

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 5 января 2019

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 5 de enero de 2019 No 3093

Мысли к Рождеству

В книге «Пребывают вечно»: письма отца Павла Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева, А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого Концлагеря (Москва, 2012) читаем нечто непостижимое: подцензурные письма из этого страшного узилища дышат не унынием, а любовью. Как много света в этих строчках, написанных на краю гибели! Читая их, становится стыдно: отчего мы, живя на воле и в комфорте, часто не способны дать нашим близким и частицу того тепла и любви, которые слали Соловецкие узники своим родным?

“Народ ещё не верит полной безнаказанности зла - и этим спасается”, писал Фет в пореформенное время. А вот теперь, кажется, поверил. Очень ярко это наблюдается как в РФ, так и в Аргентине.

«Тогда между молодёжью весьма и весьма многие как бы чем-то были проникнуты и как бы чего-то ожидали» (Достоевский о молодежи сороковых годов XIX-го века). С аналогичной «проникнутостью» и «ожиданием» я дожил до семидесяти. всю жизнь я прожил с чувством ниспосланности своего дела. Однако как никогда ощущаешь сердцем и умом, что культура и человек летят в тартарары, что нравственно-просвещённые начала сохнут, как шагреновая кожа, что всё, чему бескорыстно было отдано моё бытие - письмо в бутылке, а надежд, что её выловят нулевые. Но если бы я перестал посвящать свою жизнь этим ценностям, это было бы в стократ страшнее. Я бы стал такую же дыркой от бублика, как многие окружающие меня, занятые исключительно собственным преуспеванием и всё вокруг меряющие соотношением с личной выгодой.

То, что о. Павел Флоренский называл «неспособностью устраивать свои личные дела», - эта неспособность тоже и у меня. Мне тошнотворны, к примеру, разговоры о встрече с «нужным человеком», само обмозгование такой встречи тошнотворно. В общем я не выношу мысль о возможности выгоды. В то время как кругом почти все только этим и занимаются.

Но и не может быть иначе, когда и Бог уже стал не Бог, а так, нечто вроде доброго товарища - в воображении современников, утративших по нечувствительности всякий страх. В наши дни, во всяком случае на Западе, вместо

Церкви - некое «Общество друзей Иисуса Христа».

Это у многих, как в предпологавшейся второй части «Мёртвых душ». Попытка перерождения Чичикова: «Нет, поздно, поздно!.. огрубела натура... нет такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества».

Всё бы ещё не так страшно, если б от всех меркантильных соображений была отечеству какая-нибудь польза, если б их устремления были бы направлены на какое-нибудь реальное производство. Но все хотят ловить деньги из воздуха, не скупясь силами, растрачивая на это свою молодую энергию. Только на это.

Обыватель подсажен на потребительскую иглу. Как в столицах, так и в провинциях всего мира, включая конечно и РФ. Гигантские торговые центры, отстроенные за последние годы, это именно Храмы Потребления, даже в таких провинциальных городах как Тула. С куполами, с гигантскими изображениями полуобнаженных, условно говоря блудниц в белье, словно пародирующим, - кощунственно пародирующим - православную иконопись.

Когда становится особенно мутно, ищешь утешения в русской религиозной поэзии.

Василий Розанов многое напутал, но многое тоже разгадал правильно. Вот, что он писал о Лермонтове. «Даже нечто личное и совершенно крошечное может облечься в типично религиозное слово. В нашей литературе беспримерный пример этого дал Лермонтов, - дал вовсе не в сюжетах своих, а в слоге, который нигде не прерывает религиозного тона, вот этого сгущённого, особенного, магнетического, где психологичность и пласты души кажутся бездонными, бесконечными, именно атавистическими, «от неведомых предков и стран». Как хорошо, точно сказано.

И отраду находишь тоже у Солженицына, чьё 100-летие мы недавно отмечали. Мало было в русской культуре 20 века поступков, которые были бы столь обнадёживающими и светлыми как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына: «Слово правды весь мир перетянет». И хотя я знаю, что это не совсем так, а вернее совсем не так, вера эта всё равно живёт во мне.

О. Бартенев

ПАМЯТИ М. В. КИРЕЕВА

Семнадцатого января исполняется 10 лет со дня кончины Михаила Владимировича Киреева, издававшего «Нашу Страну» с 1982 года. Последние годы жизни, из-за болезни Альцгеймера, он уже не мог вести эту работу и её взял на себя я, по совместительству с редакторской.

Отпрыск старинного дворянского рода с татарскими корнями, он был коренастый, моголавиный, с крепкими зубами и плечами, с широкой грудью кузнеца или грузчика, хотя никогда в жизни не занимался ни гимнастикой, ни спортом, ни физической работой. И пыхал здоровьем, хотя курил как печная труба, а завтраки его изобиловали салом и другими мало рекомендуемыми эскулапами продуктами.

Отличался Миша отменным чувством юмора; пожалуй он сделал его основой всей своей жизни. Чувство юмора - признак интеллекта. Причём те, у кого хорошо развито логическое, образное и ассоциативное мышление, обладают самым могучим чувством юмора. Таковым был Михаил Владимирович.

Вообще, в те далёкие годы, - конец 60-х, - когда я познакомился с ним, он прямо-таки не умел быть несчастным. Рано оставшийся без отца - правоведа, в очень трудных условиях прошла его молодость в Белграде, - где он учился в 1-ой Русско-Сербской Гимназии. Так что есть полное право сказать, что он выстрадал свой оптимизм, который конечно не имел ничего общего с оптимизмом Панглосса — этого персонажа в романе Вольтера «Кандид», - нарочито закрывавшего глаза на мерзость жизни и готового ликовать даже там, где нужно было вопить от негодования. Миша негодовал часто. И

делал это задорно и громко. Бравурно. Нельзя было себе представить Мишу унылым, обескураженным или просто усталым. Всегда мажорный, полнокровный, не лишённый самоиронии, преисполненный боевой жизненной энергией, буйнорадостный, подвижный, с горячим темпераментом сангвиника.

Самое бранное слово в Мишином словаре было «ложь». «Что за ужас иметь дело со лгунами!», возмущался он. «Каждую минуту ожидаешь новых обманов!» Увы, у многих аргентинцев есть такой грех: склонность взять, что плохо лежит. Прославленный писатель Хорхе Луис Борхес иронизировал: «Честность настолько редка, что есть очень мало случаев для её изучения». А уругвайский президент Хорхе Батже - думая, что микрофон интервьюера уже отключен - сморозил: «Аргентинцы все являются скопом воров, от первого до последнего». Что разумеется вызвало международный инцидент и уругваец потом долго извинялся.

В смысле честности, Миша был щепетильным даже в мелочах. Например, он ничего не писал, занимаясь техническо-финансовой стороной издания. И лишь ради читательского разнообразия, я однажды предложил ему подписать некоторые составленные мною статьи. Однако на второй или третий раз, Миша встал на дыбы: «Это же в какой-то мере обман». И я отступился.

После войны он осел в Париже и прекрасно мог там остаться и процветать. Но поскольку его сестра Татьяна Владимировна с мужем Всеволодом Константиновичем Дубровским (Левашовым), отпавшими вслед за Иваном Солоневичем в Буэнос Айрес, то и он через некоторое время переселился сюда, где работал кассиром в разных гостиницах, а после смерти сестры сменил её на посту издания «Нашей Страны».

Любящий брат, он купил супругам Дубровским квартиру на улице Монро в аргентинской столице и всячески заботился о Татьяне Владимировне вплоть до её кончины в мае 1982.

Однокомнатную редакцию газеты, на той же улице, в пору было бы назвать «хрущёбой», но присутствие в ней Миши всегда делало её уютной и симпатичной.

Николай Казанцев

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ ГОДОМ!

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНИЯ БЕЛОГО ФРОНТА

Основанной Георгием Львовичем Лукиным Организации Российских Юных Разведчиков в Южной Америке исполнилось 70 лет. Юбилей был отмечен в воскресенье 1-го декабря 2018 года торжественным актом и ужином в помещении Школы и Гимназии ОРЮР, в буэносайресском пригороде Оливос.

Уже на протяжении семи десятилетий эта организация занимается воспитанием русской молодежи за границей. Вот её цели, как их определяет само руководство ОРЮР: «Служение Родине-России. Преданность Богу и Православной Церкви Христовой. Православная вера является основой духовной жизни организации».

Мы уверены, что только здоровый русский национализм, вместе с Православием, подымет нашу страну. ОРЮР является наследницей Русского Христоролюбивого Воинства, Белого Движения, РОВС-а и организаций из него вытекающих. Мы против интернационализма в скаутских организациях. Интернационализм принёс немало горя нашему народу.

Мы не являемся приверженцами никакой политической партии, но мы патриоты - антибольшевики, поэтому мы политичны. Всякие разговоры о нейтральности в этих вопросах являются предательством Исторической России, Белого Дела и наших отцов и дедов.

Мы служим России бескорыстно, альтруистически и не пойдем на компромиссы ни с кем, ни за какое либо «признание» организации, ни за субсидии, ни за какие иные блага.

Мы, русские разведчики, декларируем, что взяв по почину Императора Николая Второго гениальную систему воспитания детей и молодежи (методологию скаутинга), мы дали ей русское идейное содержание и оснастили ее нашими русскими характерными чертами.

Мы не «детская» организация, а организация всех возрастов, всех тех, кто служит России или хочет ей служить. Этим самым мы продолжаем быть ответственными за судьбу нашей Родины.

Кто может стать участником организации? Кто чувствует себя русским по духу, чести и совести. Кто является чадом Русской Православной Церкви. Кто поддерживает идеологию нашей организации и разделяет ее взгляды. Кто хочет изучать культуру нашей Родины-России и незабвенный русский язык. Кто всем сердцем желает встать в наши ряды».

Редакция «Нашей Страны» сердечно поздравляет начальника организации, доктора Петра Георгиевича Лукина, Светлану Вьюгову и всех руководителей и разведчиков со славным юбилеем, и желает им дальнейшей успешной работы в столь почётном деле. ОРЮР является последней оставшейся линией фронта Белой Борьбы.

ЧУДО-БОГАТЫРИ ВОТКИНСКА

Недавно я провёл экскурсию со студентами машиностроительного техникума по Нагорному кладбищу города Воткинска, существовавшему с 1812 года. Некрополю был присвоен статус памятника истории как объекту культурного наследия. На нём покоятся ветераны еще суворовских походов, штурмовавшие Измаил, войны с Наполеоном, Русско-Японской, Первой Мировой и Гражданской войн. А также, чехи, участники антибольшевистского восстания, доктор медицины С. Ф. Тучемский, лечивший семью Чайковских, генерал-майор В. Н. Смирнов и другие, внесшие свой вклад в историческую, производственную, культурную славу Воткинска, России и мира. Взять к примеру только двоих.

Андрей Игнатьевич Пулькин, взятый в солдаты из крестьян Саратовской губернии в апреле 1790 года. Участник Персидского похода 1796-97 гг. Под Дербентом был ранен в левую ногу «и по сей день пуля в ней» - отмечено в формуляре. На 1815 год продолжал службу в «Воткинского завода горной воинской команде», под началом подпоручика Игнатьевского.

Подпоручик Игнатьевский, 65 лет. При управлении воинской командой. Жалование 205 рублей. Из солдатских детей. В Ширванский мушкетерский полку рядовым - 1773 марта 1-го. Капралом - 1786 мая 22-го. Подпрапорщиком - 1790 мая 1-го. Сержантом - 1796 сентября 10-го. Переведен в Екатеринбургскую монетную роту 1801 декабря 21-го. Произведен в прапорщики 1803 декабря 7-го. Во время Турецкой войны от города Измаила за рекою Дунаем при прогнании неприятельских сил до самого его ретраншемента Агибаба и до местечка Козлец и при разбитии неприятельских лагерей июня 18-го до города Шумлы июля 17-го. При осаде оной Шумлы, где и производилось с неприятелем генеральное сражение двумя корпусами под предводительством Главнокомандующих господ Суворова и Каменского, до самой той войны окончания и заключения мира 1774 июля 10-го дня находился. В Крыму за Перекопской линией во время бунтующих татар - 1776 года находился. Женат, детей имеет 3-х сыновей: Василия 11-ти, Александра - 8-ми и Бориса - 2-х лет. Первые двое в службе при сей конторе, а последний - при нём.

С. Простнев

РОВС И ЭМИГРАНТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Мы, молодые политические эмигранты проживавшие после войны в 50-х годах в районе Чикаго, записывались членами-соперниками в Русский Обще-Воинский Союз. Его председатель, генерал А. А. фон Лампе и другие чины РОВСа присылали нам для чтения различные книги и журналы посвященные белой тематике. Надни военных праздников проводились собрания, устраивались обеды или ужины. Бывало и так, что на эти собрания являлись непрошенные гости, и нам приходилось держать язык за зубами, во избежание провокаций. Эти люди представляли себя как местные «исследователи истории» или научные деятели.

РОВС обращал большое внимание на воспитание смены, и поэтому его чины помогали русским школам и различным молодёжным организациям. Например, в Чикаго при РОВСе, с полковником А. Сахно-Устимовичем во главе, была создана разведческая организация. Чины РОВСа между собой со-брали средства для русского трёх-цветного знамени, с орлом на жёлтом фоне, в которое были вложены переданные полковником Янковским нитки Семёновского Гвардейского полка. Знамя было освящено архиепископом Серафимом (Ивановым), также белым офицером. Они же пожертвовали средства для приобретения пишущей машинки и т. д.

При проведении первого летнего лагеря ОРПР - Организации Русских Православных Разведчиков - во Владимирово, близ Чикаго, - РОВС командировал нам лейтенанта В. Буткова. Во второй летний лагерь РОВС прислал несколько знамён и других реликвий.

В Аргентине при РОВСе также была разведческая организация, возглавляемая полковником П. Н. Богдановичем. Различные другие общества молодежи были организованы в Зарубежной Руси с участием членов РОВСа.

Например, в Нью Йорке полковником Волковым, капитаном Триколичем и другими была создана ПОРР (Патриотическая Организация Русских Разведчиков).

Воины Белых Армий и Русского Корпуса на Балканах всеми силами старались служить русскому народу и где возможно помогали нам, своим идейным наследникам. На этих войнах держались приходы и епархии Русской Православной Церкви Заграницей, причём многие из них приняли духовный сан и монашество. Среди первых профессоров Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле были оба Сикорские, лекции которых и по сей день нельзя забыть...

Пока живы были эти доблестные русские воины, то на них держалась национальная русская эмиграция, выходили многочисленные журналы и газеты, в которых освещалась не только военная история, но и русская вообще - такой, какой она была в действительности.

Некоторые из архиереев и митрополитов РПЦЗ охранялись белыми воинами от возможного нападения. А угроза таких покушений постоянно была. Происходили взломы помещений и похищение имущества, - главным образом рукописей и писем.

Думалось, что передав документы в архивы американских высших учебных заведений, они там будут недосыгаемы для наших врагов. Однако доверие к ним было у-

рачено, в особенности после передачи архивов в Колумбийский Университет. Они там должны были находиться закрытыми, но вдруг к ним допустили посторонних людей.

Офицеры РОВСа нам повторяли: «Мы уйдем в другой мир, но для России останетесь вы и донесёте в будущую свободную Россию наше знамя». Эти воины вселяли в нас веру и силы для борьбы с коммунизмом. С их уходом в иной мир вся наша эмиграция постепенно переставала быть национальной. Приехали из бывшего СССР люди, которые были заинтересованы только в материальных благах Запада. Они уже даже не держались православия, переходя из одной секты в другую, туда где было более выгодно. Эти люди не хотели знать о великой и славной России, а старались поскорее принять чужие для русских имена и гражданства.

Когда был еще сильный РОВС, то в разных странах против советского присутствия предпринимались различные мероприятия. Например, в Глен Кове, около Нью-Йорка, одна из наших групп периодически включала для глушения и помех советским передачам, мультивибратор для радио и бар-генератор для телевидения. Когда мы видели представителей американской компании, приехавших на вызов советских служащих, то электронная аппаратура выключалась. Бывало, на малое расстояние включались антисоветские песни, электронным образом направленные на здания советских служащих. И также мы им оставляли антикоммунистические листовки. Конечно, это не представляло серьезной опасности для советчиков, но напоминало им о нашем существовании.

Поразным причинам многим чинам РОВСа власти не разрешили въезд в США, или они сами предпочли переселиться в Южную Америку, Австралию и другие страны. Но всюду где они проживали, в русских школах, гимназиях и организациях они воспитывали молодежь в любви к России, строили русские храмы и участвовали в церковной жизни.

Воины РОВСа оставили в Зарубежной Руси не только память о себе, но и печатные воспоминания о русских победах и борьбе против мирового зла коммунизма. И эти материалы вернулись на родину, что видно из публикуемых там книг и статей. Таким образом, труды чинов Белого Движения и Русского Корпуса на Балканах были для России не напрасны!

Г. М. Солдатов

Начальник РОВСа, генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе (1885-1967)

Антон ВАСИЛЬЕВ

ОТ ИМЕНИ БУЛКОХРУСТОВ

*Балы, красавицы, лакеи, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст
французской булки.*

*Любовь, шампанское, закаты,
переулки...*

*Как упоительны в России вечера.
В. Пеленягрэ*

В богохранимой стране нашей появилось новое жаргонное словечко: булкохруст. Появилось не вчера, но с недавних пор стало просто-таки всепроникающим.

Желающим понять его происхождение совету прослушать романс Виктора Пеленягрэ на музыку А. Добронравова «Как упоительны в России вечера», написанный ещё в конце восьмидесятых. Вполне красивая вещица а-ля Серебряный Век, слегка наивная, но с ясным и искренним оттенком ностальгии. Стехпорхрустфранцузскойбулкине даёт покоя так многим, так многим...

Если вы любите Царскую Россию, да ещё и заступаете за неё на газетных и журнальных страницах, на мерцающих равнинах Интернета, вы – булкохруст.

Это прозвище прилипнет к вам, как банный лист, готовьтесь. У нас любят звучные прозвища давать. «Кадет», «белопогонник», «кулак», «фашист», «вредитель», «диссидюга». Если вы любите западные ценности – вы «дерьмократ», если уважаете США – «подпиндосник». А если вы заступаете за Царя и его несчастную державу, вас и без вашего соизволения примут в Орден Хрустящей Булки. Можете стать в нём даже великим магистром – было бы желание.

Вот только булка почему-то французская. Это я считаю поэтическим промахом. Истинный булкохруст должен обидеться: что ж, на святой Руси и похрустеть было нечем? Наши предки только из ржаной муки умели печь 26 видов хлебов, а из пшеничной муки – до 30.

Вот, к примеру, сын крепостного мужика деревни Кобелево Тарусского уезда Калужской губернии, Иван Максимович Филиппов, занимался в Москве выпечкой и продажей с тележки в торговых рядах калачей, пирогов и саек. Калачи выпекали в форме замка с круглой дужкой, или перевалом, частенько их ели прямо на улице, держа за эту дужку, как за ручку. Последнюю чаще всего не съедали сами, а отдавали небрежливому нищим. Про тех, кто не боялся после чужих рук её есть, говорили «Дошёл до ручки».

Филипповские калачи были на удивление вкусны. По мнению самого булочника, секрет был в составе воды Москва-реки, которую в нелюбимое многими хрустобулочное время можно было пить, как сейчас минеральную из аптеки. Кроме того, чтобы добиться особого вкуса калача, тесто «вымораживали» на льду в подполе (зимой это было делать ещё легче). «Московские калачи, как огонь, горячи» выходили пышными, с мягкой корочкой, не успевавшей даже подрумяниться, с тягучим, упругим мякишем внутри. Калачи «именинные» были огромными, аршина в два и в три, толщиной в четверть аршина (аршин – примерно 70 сантиметров).

Поначалу Филиппов торговал калачами себе в убыток, что-бы низкими ценами отбить

клиентуру у соседей, немецких булочников. Выручали пироги – он знал великое множество рецептов их приготовления.

Хорошо шли у Ивана кулебяки – пироги со сложной начинкой из мяса, рыбы, грибов, ягод или капусты. Разную начинку накладывали слоями и разделяли блинами из теста. Кулебяка была закрытой, чтобы начинки не высухали. На «ура» раскупались и расстегаи – открытые пироги из несдобного теста с начинками, чаще всего, рыбными, накрепки – пироги с рассыпчатой кашей внутри и солёной красной рыбой поверх, манники из манной крупы, сочники из песочного теста с творогом, сайки, выпекавшиеся на соломе. Именно Филиппов изобрёл сайки с изюмом. Были ещё пироги «губники», с грибами и яйцом, наливашники – с сыром и яйцом.

Заработав вразнос порядочно денег, сын крепостного открыл сперва лавку, потом другую и третью, а затем и магазин. Публика к нему хлынула самая разномастная – и студенты, и чиновники, и дамы-франтихи, и жёны рабочих.

До «первой русской революции» фунт хлеба в Москве стоил копейку (в Минске, к примеру, вдвое дешевле). Это был кислый хлеб, ржаной русский каравай. Другой сорт чёрного хлеба, с добавкой солода, назывался сладким и стоил уже копейку с полушкой. Для подобных «простых» сортов муку просеивали через решето. Но был ещё и ситный хлеб – для него мука высшего сорта проходила сквозь тонкие сита. Ситный хлеб был «пушистым», с тонкой, золотой хрустящей корочкой (вот чем хрустели в Империи, а не каким-то там французским багетом), мякиш был – сама нежность! Человека, с которым приятно провести время, звали «друг мой ситный». Ситник даже не резали ножом, он без труда ломался под пальцами. Правда, и стоил дорого: аж 3 копейки в 1865, например, году!

Пёк Иван хлеб только на коровьем, сливочном масле. Если свежий филипповский каравай со всей силы придавить ладонью, а потом отпустить, он сам расправлялся. Иногда сайка или

крендель получались неровными, кривоватыми, так их продавали вдвое дешевле – за полкопейки. Большой пирог с мясом за пятачок был для студента, например, готовым завтраком, а то и обедом.

В 1855 году, за 6 лет до отмены крепостного права, Иван Максимович стал поставщиком двора Его Императорского Величества. Его калачи и сайки ежедневно отправлялись во дворец, в особые закрытые липовых коробах, завернутых в пуховички, ночным экспрессом в Зимний дворец к высочайшему завтраку и даже не успевали остыть. Других поставщиков хлеба Царь Александр II не признавал.

Не сразу удалось гениальному хлебопёку расширить своё дело на Северную Пальмиру. Он уже открыл булочную на Невском, но калачи петербуржцам перестали нравиться: вода оказалась не та! Неповторимый вкус калачам придавала ключевая вода мытищинских источников, которую он предпочёл московской. Пришлось возить из Первостольной, в особом вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду, дубовые бочки со «своей» водой. Дорого, а что делать?

В 1867-м Иван Филиппов был официально причислен к московской купеческой гильдии, расширив дело до калачного, булочного и бараночного, заведенного на Тверской, Сретенке и на Пятницкой, в собственном доме. Сын Ивана Максимовича, Дмитрий, имел уже шесть булочных-кондитерских и столько же пекарен.

Филипповские булочные стали первыми кафе-пекарнями, где можно было не просто купить ароматную выпечку, но и съесть её за столиком под чаёк или кофеёк. В. А. Гиляровский, побывав там, писал: «Булочная Филиппова всегда полна покупателей. В дальнем углу, вокруг горячих железных ящиков, постоянно стояла толпа, жующая знаменитые филипповские пирожки с мясом, яйцами, грибами, творогом, изюмом и вареньем».

К каждому престольному празднику Филиппов отправлял отборные караваи и калачи арстантам в Бутырскую тюрьму.

К Филипповым ездила вся Мос-

ква. Да что Москва! «По зимам шли обозы с его калачами и сайками, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печки, замораживали, везли за тысячу вёрст, а уже перед самой едой оттаивали – тоже особым способом, в сырых полотенцах, и ароматные, горячие калачи где-нибудь в Барнауле или Иркутске подавались на стол с пылу, с жару» – восхищённо писал Гиляровский. Филипповские калачи становились вновь свежими, даже пробыв замороженными пару месяцев, становясь сенсацией на выставке в Париже!

Конкурировал с Дмитрием Филипповым пекарь Румянцев. Его лавка стояла на Красной Площади, вместо того, что возвышается там сейчас. Русский историк Терещенко ещё в 1848 году удивлялся, что московские сайки могут печься только на своём месте, в другом же никакое искусство не сделает их вкусными – тому причиной вода и выделка из местной муки.

Славился своими сайками и купец Чуев, выпекавший их на соломенной подстилке и часто так и продававший – с приставшими к румянному исподу соломинками...

Фабрика Филипповых на Тверской состояла из отделений сахарного, бараночного, пирожно-кондитерского, немецкого, стародубского, рижского, петербургского столового, чёрного, белого и шведского хлеба, жареных пирогов, карамельного, мармеладного, калачного и расстегайного. Работники хлебного короля России имели бесплатные квартиры, ничего не платили ни за продукты, ни за отопление, ни за освещение, их специальную одежду стирали за счёт хозяина. На работе у них было время для обеда и чаепития, благо было с чем.

Помимо московских булочных, внуку тарусского мужика принадлежало 10 булочных в Санкт-Петербурге, по одной в Ростове на Дону, Саратове и Туле.

Из-за забастовок 1905-06 годов (несмотря на то, что Филиппов предлагал рабочим повышение жалованья), он задолжал кредиторам около трёх миллионов рублей и был вынужден объявить себя банкротом. Дело продолжили его сыновья, до самого 1917 года, когда великую фирму окончательно «довели до ручки» (но уже не калача). В гостинице «Люкс» при доме Филипповых организовали общежитие Коминтерна, а бывшие владельцы эмигрировали в Бразилию.

Осенью 1918 года газета «Вестник Бедноты» поместила заметку: «К первой годовщине революции работниками-пищевиками открыт способ изготовления хлеба из мха... посетители выставки могли убедиться, что мхом могут питаться не только олени, но и люди... Пищевики предложили использовать хлеб с примесью муки из мха для выдачи по карточкам представителям бывших эксплуататорских классов, а освободившиеся запасы ржаной и пшеничной муки обратили на довольствие красноармейцев и сотрудников ВЧК».

Был нормальный хлеб у нас и потом. Но такого, как при Филиппове – больше не было. А тех, кто любит ту Россию, стыдят хрустом французской булки.

ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ

О НЕКОТОРЫХ СОТРУДНИКАХ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

А. Г. МАКРИДИ-СТЕНРОС

В возрасте 14-ти лет, подработав во время летних каникул, я приобрёл в книжном магазине Лашкевичей все изданные в Буэнос Айресе книги Ивана Солоневича. Одновременно я подписался на «Нашу Страну».

Читая её, я особенно восторгался пером участника Первого Ледяного Похода, ставшего во Вторую Мировую войну редактором рижской антисоветской газеты «За Родину» Анатолия Григорьевича Макриди-Стенрос. Легко понять какое было для меня счастье вступить с ним в переписку когда, пять лет спустя, издательница газеты Т. В. Дубровская поручила мне заняться её редактированием.

Кроме личного удовлетворения от получения его писем, я в то же самое время исполнял одну из важных редакторских функций: оплату ему «гонораров». Поясню: денежных гонораров большинство авторов не получали, но справедливо считали, (считают и сейчас) что оплата эпистолярная, то есть постоянными письмами со стороны редактора, - является абсолютным условием для продолжения сотрудничества.

Кроме того, в то время Русское Зарубежье изобиловало изданиями, и редакторы старались переманить к себе наиболее талантливых публицистов. Во избежание сего, да и из чистого смака, я переписывался со всеми сотрудниками «Нашей Страны». С Макриди - особенно часто. Тогда по всему Русскому Зарубежью шла полемика об истинном лице новых советских писателей - фрондёров.

Пятнадцатого декабря 1967 года я писал Анатолию Григорьевичу в Австралию: "Очень благодарю Вас за уточнения к проблеме оппозиционных писателей. Я считаю, что выступления Евтушенко, Вознесенского, это палка о двух концах. С одной стороны они, конечно, одобрены советской властью и потому служат её провокационным целям. А с другой стороны они всё же в какой-то степени влияют на подсоветскую общественность, раскачивая её против советчины. Однако есть грешок, иногда я слишком увлекаюсь. Поэтому так полезны Ваши предостережения. Они, охлаждая мой пыл, способствуют спокойному и реалистическому обсуждению происходящего на родине. Обращаюсь к Вам с просьбой. В нашей здешней группе молодёжи Общества Русский Сокол, есть 4-5 человек, которые горячо желают стать настоящими, хорошими публицистами. Иные даже прямо метят в писатели. Особенно стремимся к этому мы, монархисты: Андрей Сербин и я. Мы ясно сознаём как важно и необходимо создание кадров молодых, хорошо пишущих защитников монархической идеи и Национальной России. Не находясь в гуще культурной жизни своего отечества это достигнуть нелегко. Вместе с тем это вопрос жизни или смерти для монархии. Не возьмётесь ли Вы научить нас хорошо писать? Я знаю, что Вы занятой человек, но если Вы смогли

бы понемногу инструктировать нас, как надо «тренироваться», чтоб выработать стиль, культурный язык, точность, образность, одним словом научить нас писать как Вы умеете, то это поистине будет для нас верхом блаженства».

Девятого января 1968-го, Макриди мне отвечал: "Взаимно поздравляю Вас и Ваших товарищей с Рождеством Христовым. Желаю в новом году успехов и успеваемости. В Москве, племянник моей жены при переходе из второго класса в третий получил награду - книгу с надписью: «За отличную успеваемость», за сим следовали подпись инспектора классов и школьная печать.

Одно это должно объяснить Вам мою радость при чтении Ваших писем, в которых я не нашёл ни одной успеваемости, но заметил обнадеживающую успеваемость.

Ваша просьба научить хорошо писать застигла меня врасплох: к роли учителя я совсем не подготовлен. Сам начал писать уже за границей, и никакого образования в писательском деле не получил.

Тем не менее, Вы конечно правы считая, что какую-то пользу принести Вам я смогу. Свободного времени у меня не бывает, но я постараюсь втиснуть в свои дела ещё одну обязанность и надеюсь, что в какой-то мере оправдаю Ваши надежды. Только предупреждаю, что рекомендации мои будут носить хаотический характер, ибо к разработке последовательных поучений у меня возможностей сейчас не найдётся никаких.

Потом, ещё одно. Вы просите научить Вас писать так, как я это умею делать. Ради этого горю огорочен не стоило бы. Я буду стремиться к тому (с Вашей помощью, конечно), чтобы Вы, со временем, писали лучше меня. При наличии Ваших способностей, если прибавить к ним желание, это было бы вполне осуществимым, однако несколько иначе, чем Вы это себе представляете.

Научить писать нельзя, писать можно только научиться. Это не парадокс, а факт, причём очень важный. Настолько важный, что я рекомендую принять его в качестве первой лекции. Учить же можно только тому, как следует самому учиться писать. Вот, этим то я и согласен в меру сил, времени и личного опыта с Вами поделиться.

Я рад, что мои замечания о советских писателях Вы приняли во внимание, но чувствую, что этих замечаний оказалось недостаточно, чтобы Вы меня поняли вполне. Однако Вы меня вдохновили Вашими сомнениями на специальную статью, из которой Вы узнаете, почему есть подозрения в том, что многие бунтари, ссылающиеся на конституцию, остаются на советских позициях. Что же до того, что всякое действие, расшатывающее советскую систему следует приветствовать, независимо от того, кто это делает, то я с Вами вполне согласен. Только всегда приходится зорко следить: не поступают ли тут большевики чем-нибудь для себя полезным ради достижения ещё большей пользы? То есть, не жертвуют ли

фигурой, ради получения двух.

Два слова об Евтушенке. Своё первое выступление в Австралии он подарил студентам. И в поисках пути к их сердцу, как умел острит через переводчицу, кстати, отвратительную во всех отношениях. И вот он заявляет:

«Почему-то всю жизнью испытывал особую симпатию к Австралии и австралийцам. Не иначе, как моя мамаша с каким-нибудь австралийцем согрешила».

После этого заявления, назвать его хамом нельзя без того чтобы незаслуженно оскорбить Ноева сына: тот отцу нахамил, а Евтушенко пошёл ещё дальше.

Лично я Солоухину и Солженицыну отношусь с большим доверием. Я довольно часто ошибался в людях, но до сих пор не научился доверять и настойчиво рекомендую и Вам никогда не учиться недоверять никому, как это предлагают часто не в меру разочарованные люди. Жить таким убеждением нельзя, можно только духовно прозябать.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать сердечный привет Вашим товарищам (не бойтесь этого слова, не уступайте его большевикам)".

Увы, упомянутый в моём письме А. Сербин вскоре пошёл по совсем другому пути. Я же дальше старался сохранить Макриди.

Например, 11.5.71 я ему писал: "Мне очень не понравились Ваши слова о том, что Вас «сватали» целые три органа печати. Горячо благодарю и страшно рад, что отказались, но... а вдруг когда-нибудь согласитесь? В ревности по отношению к Вашим писаниям «Наша Страна» форменный Отелло. Зарезала бы, не Вас конечно, а тех кто приглашал и пригласить может. Знаете, в СССР есть «книжный голод», а у нас, в «Нашей Стране» - «макридный голод». И вы пишете про «надобность уменьшится"! Тыщу раз наоборот! Я уже начал думать о Ваших старых статьях (не устаревших по теме), опубликованных в других органах печати (к примеру, в журнале «Согласие»). Но к счастью в этом году Вы нас балуете довольно частыми и, как всегда, мастерскими статьями. На днях я у Паустовского вычитал, что есть такой литературный термин «литая проза». Вот этот термин лучше всего подходит к Вашим статьям. Проза чёткая, суровая, острая, в которой нет ничего лишнего: её можно отливать из бронзы или из золота, и ни одна крупница металла не пропадёт зря, на пустое слово.

Что касается нас, то мы на тридцатом небе от удовольствия витали бы, коли можно было бы печатать в каждом номере Вашу передовицу. Статьи Ваши мы ждём как манну австралийскую: а Вы про «надобность уменьшится"! Вы спрашивает почему в последнее время в газете мало статей Войцеховского? Ему всё труднее справиться одновременно с той работой, которой он занят для заработка, и той, которую он делает безвозмездно. Кроме того, нездоровье и ухудшение зрения весьма ограничивают время, которое он может отдавать

чтению и пишущей машинке. Однако, собственно говоря, он присутствует буквально в каждом номере газеты, ибо под рубрикой «Политическая Хроника» помещаются исключительно его заметки (редакционная тайна).

Прекращение субсидий князя С. С. Белосельского «Нашей Стране», Войцеховский объяснил мне так: смерть жены Белосельского ограничила денежные средства князя и хотя 25 долларов в месяц и теперь для него значения не имеют, его сотрудники заинтересованы в направлении каждого доллара на местные, а не далёкие - географически - нужды".

С. И. Таптыков, однополчанин Белосельского, пользующийся полным доверием князя, сообщил Войцеховскому, что прекращение помощи газеты вызвано только и исключительно необходимостью значительно сократить те суммы, которые Белосельский до сих пор тратил на русские нужды".

Ответ Макриди, писавшего также как «Ламберт», был датирован 21.5.71: "Насчёт расширения моей монархической деятельности не беспокойтесь; я перестал писать даже там, где мне платили. Тем меньше охоты откликаться на новые предложения. Любопытно, что ещё в Германии, где нам перед переселением в Австралию трудно жилось, человек, которого я никогда не видел раньше, оплативший мне в оба конца железнодорожный проезд, два часа в лучшем гамбургском ресторане уговаривал меня редактировать вновь открывающуюся газету демократического толка (в США), предлагая подписать контракт на очень выгодных условиях, показавшихся мне тогда фантастическими. На мой вопрос, известно ли ему, что я из себя представляю, он ответил утвердительно и был, как мне показалось, действительно огорчён моим отказом. Потом выяснилось, что насчёт газеты - враньё. Дело касалось радиостанции. Меня такой демарш очень удивил, но жене у меня не хватило духу сказать; она, как и я, а пожалуй и больше, билась как рыба об лёд и её мой отказ мог сильно расстроить. В Австралии, в течение первых десяти лет, я ещё дважды получил по почте подобные приглашения. До сих пор считаю их провокационными.

Несколько дней назад я вторично (в «Знамени России») прочёл Вашу статью о поисках Тела Христова и решил написать Вам о том, что эта статья - лучшая изо всего, что мне в последние годы довелось читать. Она позволяет мне смело и твёрдо надеяться на то, что в дальнейшем Вы через Ламбертов и Стенросов перешагнёте далеко. Несмотря на все оправдания, лишение «Нашей Страны» копейной (для князя Белосельского) субсидии, нахожу свинским. Боюсь, что ни Татьяна Владимировна, ни Вы содержать «Нашу Страну» не сможете, даже при поддержке друзей". Слава Богу, именно при помощи друзей, смогли-таки!

Николай Казанцев

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, C. C. 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Цена годовой подписки: В Аргентине - 700 песо

В Европе - 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах - 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898079164299 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL, 33154-2068, USA Routing: 063100277 Swift: BOFAUS3N: Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.

NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: www.nashastrana.net